Н. Баженовъ.

Харьковской
Общественной
Библіотекѣ —
отъ автора.
Н. Баженовъ.
2-I-1917 г.

Г. Ѳ. Квитка, какъ вдохновитель Гоголя.

Къ вопросу о литературномъ заимствованіи.

ХАРЬКОВЪ.
Тип. т/д. А. М. Сухановъ и А. М. Ивановъ.
1916.

Г. Ѳ. Квитка, какъ вдохновитель Гоголя.

Къ вопросу о литературномъ заимствованіи.

Посвящаю
Глубокочтимому
В. П. Бузескулу.

Семнадцать лѣтъ тому назадъ (въ 1899 году) Н. В. Волковымъ была окончательно установлена зависимость «Ревизора» Гоголя отъ комедіи Квитки «Пріѣзжій изъ столицы».[1] Сходство между обѣими пьесами было черезчуръ разительно, чтобы возможно было избѣжать постановки вопроса о «зависимости» и ранѣе выхода въ свѣтъ брошюры г. Волкова, но при рѣшеніи далеко не трудной задачи слишкомъ большую роль, къ сожалѣнію, играло преклоненіе предъ авторитетомъ Гоголя, лишавшее изслѣдователей должной объективности. Г. Волковъ первый смѣло взглянулъ въ лицо истинѣ, не нанеся, конечно, никакого ущерба славѣ великаго Гоголя.

Считая вопросъ объ отношеніи между комедіями достаточно выясненнымъ и отсылая интересующихся къ указанной брошюрѣ, а также непосредственно къ тексту Квиткинской пьесы («Пантеонъ» 1840, кн. 3;— Драматическія сочиненія Гр. Квитки. Т. II. Изд. А. С. Великанова. СПБ. 1852; — Сочиненія Г. Ѳ. Квитки. Изд. Харьк. Уѣздн. Земства. Т. V), я, имѣя въ виду, если не рѣшеніе, то хоть постановку *иной* задачи, позволю себѣ все же использовать въ своихъ цѣляхъ и нѣкоторыя данныя изъ исторіи вопроса о зависимости пьесы Гоголя отъ комедіи Квитки.

Въ третьей книжкѣ «Пантеона» за 1840 г. была напечатана пьеса подъ такимъ заглавіемъ: *„Пріѣзжій изъ столицы, или суматоха въ уѣздномъ городѣ*. Оригинальная комедія, въ пяти дѣйствіяхъ, писана въ 1827 году.“ Пьеса (принадлежавшая перу Г. Ѳ. Квитки-Основьяненка) тотчасъ обратила на себя вниманіе читающей публики и пишущей братіи своимъ очевиднымъ сходствомъ съ Гоголевскимъ «Ревизоромъ». Появленіе ея въ печати *послѣ* комедіи Гоголя доставило много огорченій автору «Пріѣзжаго», ибо, повидимому, къ выставлен-

[1]) **Н. В. Волковъ. Къ исторіи русской комедіи. I. Зависимость и т. д. СПБ. 1899.**

ному въ заголовкѣ году написанія пьесы не всѣ отнеслись съ одинаковымъ довѣріемъ. Однако, прохожденіе «Пріѣзжаго» черезъ цензуру еще въ 1828 году являлось неопровержимымъ фактомъ, и потому обвинять въ плагіатѣ *Квитку* не приходилось: нужно было какъ-нибудь примирить печатныя и устныя категорическія утвержденія Гоголя, будто сюжетъ «Ревизора» переданъ ему Пушкинымъ, съ поразительнымъ сходствомъ между комедіями въ сюжетахъ, дѣйствующихъ лицахъ и даже отдѣльныхъ деталяхъ. Большинство успокаивалось на томъ соображеніи, «что анекдоты о ложныхъ ревизорахъ ходили по Россіи издавна, съ разными варіаціями, и что одно и то же происшествіе подало мысль написать комедію обоимъ авторамъ». С. Т. Аксаковъ, державшійся такого мнѣнія, въ письмѣ къ Г. П. Данилевскому сообщаетъ: «Я спрашивалъ Гоголя (около 1840 года): знаетъ ли онъ эту комедію? И онъ отвѣчалъ мнѣ, что слышалъ о ней, но не читалъ» («Украинская Старина», сборникъ статей Г. П. Данилевскаго. Харьковъ. 1866. Стр. 217). Такое заявленіе, однако, не могло сдѣлать вполнѣ правдоподобной мысль о *случайномъ* происхожденіи замѣченнаго сходства, и уже въ 1866 году Г. П. Данилевскій осмѣлился предположить, «что Гоголь читалъ въ рукописи комедію Основьяненка до написанія своего «Ревизора» (ibid.), а детальный анализъ текста «Пріѣзжаго» и нѣсколькихъ редакцій «Ревизора», произведенный г. Волковымъ, сдѣлалъ, повидимому, единственно возможнымъ такое заключеніе: «комедія Гоголя «Ревизоръ», несомнѣнно, создалась подъ вліяніемъ комедіи Квитки «Пріѣзжій изъ столицы» и въ выборѣ дѣйствующихъ лицъ, и въ одинаковомъ комизмѣ ихъ положеній, и въ подробностяхъ выполненія» (Волковъ, стр. 54).

Находя страннымъ, почему Гоголь, несмотря на поднявшіеся въ началѣ 40-хъ г.г. толки о близости «Ревизора» и «Пріѣзжаго», «ни въ печати, ни въ частной перепискѣ, ни въ черновыхъ бумагахъ, о которыхъ только имѣются въ литературѣ свѣдѣнія, — нигдѣ не упомянулъ объ этомъ совпаденіи, какъ бы не удостоивая его своимъ вниманіемъ» (ibid., стр. 59); мало того, «нигдѣ, по крайней мѣрѣ, въ изданныхъ произведеніяхъ и бумагахъ, не упоминаетъ имени Квитки, какъ будто для него онъ вовсе не существовалъ» (стр. 58), — г. Волковъ предлагаетъ слѣдующее объясненіе «причины этого умолчанія. Можетъ быть, говорило въ немъ скрытое недовольство тѣми голосами, которые съ осужденіемъ отзывались объ его дѣятельности и упрекали въ незнаніи Украйны и въ отступничествѣ отъ нея? Критики Гоголя, въ родѣ Полевого, постоянно противопоставляли ему Квитку, какъ глубокаго знатока простонародной Украйны, изображавшаго ее не по впечатлѣніямъ юности и не по письмамъ и народнымъ пѣснямъ, не по разсказамъ земляковъ, а по непосредственнымъ наблюденіямъ ея народа, съ которымъ онъ никогда не по-

рывалъ связи. Такія сопоставленія, приправленныя колкостями и мелочными придирками, тяжело ложились на сердце Гоголя, болѣзненно чуткаго ко всему, что затрогивало его самолюбіе, и не мало способствовали полному отчужденію между нимъ и Квиткою» (58). Не отвергая вышеприведенной гипотезы, я считалъ бы нужнымъ поискать объясненія страннаго, на первый взглядъ, факта прежде всего въ особенностяхъ характера Гоголя. В. П. Гаевскій говоритъ: «По словамъ одного изъ товарищей Гоголя, В. М. П—ки, жившаго съ нимъ нѣсколько времени въ Петербургѣ, *не было человѣка скрытнѣе Гоголя;* по словамъ его, онъ умѣлъ сообразить средства съ цѣлью, удачно выбрать средство и самымъ скрытнымъ образомъ достигать цѣли. Нѣкоторые изъ нашихъ художниковъ, въ Римѣ коротко знавшіе Гоголя, *твердили* то же самое» («Современникъ», т. XXXV, 1852, октябрь, смѣсь, стр. 143—144). Эти отзывы «совершенно совпадаютъ со словами Анненкова и Данилевскаго» (В. И. Шенрокъ. Матеріалы для біографіи Гоголя. Томъ II. М. 1893. Стр. 56 — выноска).

Все вышесказанное, въ связи съ заявленіемъ изслѣдователей, утверждающихъ, «что Гоголю легче давалось яркое изображеніе жизни и созданіе характеровъ, нежели изобрѣтеніе самостоятельныхъ сюжетовъ, почти всегда повторяющихся или заимствованныхъ» (ib., стр. 367), является необходимымъ, по моему мнѣнію, фундаментомъ для другой литературной параллели, насколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не останавливавшей на себѣ вниманія критиковъ и историковъ литературы. Я имѣю въ виду сопоставить шестую главу перваго тома «Мертвыхъ душъ» Гоголя съ двадцать пятой главой второй части романа Квитки — «Жизнь и похожденія Петра Степанова сына Столбикова, помѣщика въ трехъ намѣстничествахъ». (Рукопись XVIII вѣка. Его Превосходительству Василію Андреевичу Жуковскому. Изданіе Фишера. СПБ. 1841. — Три части, 79 главъ, 581 стр.). Романъ былъ изданъ въ 1841 году, а двумя годами раньше въ сборникѣ Кукольника «Новогодникъ» былъ напечатанъ эпизодъ изъ романа (въ то время уже законченнаго), озаглавленный «Скупецъ» и снабженный слѣдующимъ предисловіемъ издателя: «Этотъ нравоописательный романъ — истинно удивительная картина Россіи въ XVIII столѣтіи, въ весьма непродолжительномъ времени будетъ изданъ въ свѣтъ. Произведенія Чатертона, Библіофила Жакоба и вообще всѣ поддѣлки подъ старое время не всегда были удачны. Если хорошъ вымыселъ, невѣренъ слогъ; вѣренъ слогъ — невѣрны подробности и слабо созданіе. Пустолобовъ, какъ мы назовемъ этотъ романъ для сокращенія, простъ въ созданіи, но обнимаетъ всѣ пути, по которымъ можно, какъ по галлереѣ, ходить въ XVIII вѣкѣ и замѣчать любопытнѣйшее. Юморъ автора достигаетъ въ этомъ романѣ до идеальнаго совершенства; въ продолженіе шести

(въ изданіи 41 г. — трехъ; прим. Н. Б.) частей уста читателя не освободятся отъ улыбки — и постоянной, отъ частаго хохота; а занимательностію Пустолобовъ (впослѣдствіи Столбиковъ; Н. Б.) поглотитъ самое лѣнивое вниманіе. Зная романъ въ цѣлости, мы смѣло можемъ поздравить литературу съ произведеніемъ, которое въ критическомъ отношеніи станетъ наряду съ извѣстнѣйшими, мастерскими твореніями сего рода и достигнетъ, безъ сомнѣнія, той же обширной извѣстности».[1])

Отрывокъ изъ рекламированнаго такимъ образомъ романа, отмѣченный Бѣлинскимъ, какъ «довольно интересный» («Московскій Наблюдатель» 1839 г.),[2]) повидимому, попалъ въ руки Гоголя, пріѣхавшаго въ Москву изъ Вѣны въ сентябрѣ или октябрѣ 1839 года, и былъ использованъ имъ въ качествѣ матеріала для знаменитой шестой главы «Мертвыхъ душъ». Этому предположенію, основанному на сличеніи текстовъ обоихъ произведеній, не противорѣчатъ и факты изъ біографіи Гоголя. «7 октября 1835 года Гоголь извѣщалъ Пушкина: «Началъ писать «Мертвыя души». Сюжетъ растянулся на предлинный романъ и, кажется, будетъ сильно смѣшонъ. Но теперь остановилъ его на третьей главѣ.»[3]) Въ 1840 г. Гоголь читалъ уже С. Т. Аксакову и И. В. Кирѣевскому первыя шесть главъ поэмы.[4]) Около этого времени, надо думать, и была написана послѣдняя изъ нихъ (шестая).

Въ виду того, что какъ отдѣльное изданіе романа Квитки, такъ и альманахъ «Новогодникъ» въ настоящее время представляютъ библіографическую рѣдкость, я помѣщаю ниже интересующій насъ текстъ полностью (по изданію 1841 года, куда онъ перенесенъ почти безъ измѣненій, исключая немногія — стилистическія); въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ приводятся выдержки изъ «Мертвыхъ душъ» (курсивъ вездѣ мой).

Читатель не долженъ упускать изъ виду, что передъ нимъ — отрывокъ изъ мемуаровъ человѣка XVIII столѣтія, притомъ малообразованнаго и недалекаго (ср. «Исторію села Горюхина»). Отсюда — неуклюжесть стиля и другія особенности романа Квитки, которыя могли бы привести непосвященныхъ къ весьма невыгодному заключенію объ авторѣ Столбикова, какъ художникѣ и стилистѣ.

---

[1]) „Новогодникъ", собраніе сочиненій, въ прозѣ и стихахъ, современныхъ русскихъ писателей, изданный Н. Кукольникомъ. СПБ. 1839. — Стр. 22. Основьяненко (Грыцько). *Скупецъ*. Эпизодъ изъ книги: жизнь и похожденія Петра Степанова сына Пустолобова, помѣщика въ трехъ намѣстничествахъ.

[2]) Полн. собр. соч. В. Г. Бѣлинскаго (подъ ред. С. А. Венгерова). Томъ IV. СПБ. 1901. Стр. 225. № 353 (см. стр. 232).

[3]) 10-е изд. соч. Н. В. Гоголя (подъ редакціей Н. Тихонравова и В. Шенрока). Т. VII. СПБ. 1896. Стр. 485.

[4]) То же. Т. III. Стр. 414.

Не слѣдуетъ думать, что я считаю приводимый ниже отрывокъ единственнымъ литературнымъ источникомъ VI главы «Мертвыхъ душъ»: въ литературѣ 30-хъ годовъ мы найдемъ и другія параллели; однако, «Скупецъ» Квитки далъ, кажется, Гоголю болѣе всего матеріала — гораздо болѣе, я думаю, чѣмъ комедіи Плавта и Мольера, на которыя иногда указываютъ.

Глава двадцать пятая о томъ, какъ меня, къ моему обрадованію, не приняли къ должности.

Цифры въ скобкахъ означаютъ страницы, указанныя по двумъ изданіямъ: десятому (первое число) и однотомному семнадцатому (второе).

Въ такихъ горестныхъ размышленіяхъ, бредя путемъ-дорогою, завидѣлъ я *село довольно значительное* и направилъ къ нему путь свой, надѣясь у жителей его, уже не за деньги, но за Христово имя, получить обѣдъ.

«Чичиковъ въѣхалъ въ средину *обширнаго села*, со множествомъ избъ и улицъ (108; 1094).» Далѣе — подробное описаніе ветхихъ строеній деревни Плюшкина.

Первый прошенный мною о томъ крестьянинъ отказалъ мнѣ по причинѣ *бѣдности своей отъ разоренія помѣщика* и вовсе лишилъ меня надежды найти гдѣ-нибудь помощь, потому что *всѣ крестьяне разорены и всѣ одинаково бѣдны.*

«Такой скряга, какого вообразить трудно. Въ тюрьмѣ колодники лучше живутъ, чѣмъ онъ: *всѣхъ людей переморилъ голодомъ*» (96; 1084).

«Какъ ты думаешь, не пойти ли мнѣ къ самому барину?» спросилъ я, видя *какія-то лачуги, напоминающія, что тамъ жили когда-то господа.*

— Какъ волишь! Только наврядъ ли! —

«Или къ управляющему?.. Гдѣ онъ у васъ живетъ?..»

— У насъ управляющаго нѣтъ, самъ баринъ за всѣмъ смотритъ. —

«Управляющаго нѣтъ! подумалъ я; авось нуженъ. Пойду на удачу.»

«Скрягу Плюшкина не знаешь, что *плохо кормитъ людей?*» (105; 1092).

Вошедши во дворъ, заросшій высокою травою, я по дорожкѣ, едва протоптанной, добрался до *дома съ высокою, полуразвалившеюся крышею; ставни, или только куски отъ нихъ, закрывали всѣ окна.* На развалившемся и безъ нѣкоторыхъ уже ступенекъ крыльцѣ сидѣлъ старикъ, лѣтъ за шестьдесятъ, въ сертукѣ, на коемъ и заплаты

«*Какимъ-то дряхлымъ инвалидомъ глядѣлъ сей странный замокъ* (господскій домъ), длинный, длинный непомѣрно. Мѣстами былъ онъ въ одинъ этажъ, мѣстами въ два; *на*

были всѣ истерты и изорваны; какой же самый сертукъ долженъ быть! Старикъ былъ босой и старый женскій башмакъ чинилъ нитками, конечно, приготовляя себѣ обувь на мокрое время. Все видимое мною не предвѣщало мнѣ ничего добраго, но я, не теряя надежды, отозвался къ старику.

Онъ, сердечный, крѣпко испугался, увидѣвъ передъ собою незнакомаго человѣка, и засыпалъ меня разспросами: кто я, откуда, зачѣмъ сюда пришелъ, по какой надобности и тому подобное. Не открываясь ему въ своихъ намѣреніяхъ, я только сказалъ, что мнѣ необходимо видѣть его господина.

«Извольте, вотъ въ калитку, итти въ садъ, и прямо по дорожкѣ дойдете до бесѣдки. Или тамъ найдете барина, или онъ скоро туда придетъ. Только для вашей же пользы прошу васъ, пожалуста, не трогайте ничего въ саду, ни одного яблочка.»

Я вошелъ въ садъ и затворилъ за собою калитку. *Садъ былъ дикій, заросшій весь травою.* Яблонныя и другія деревья, обремененныя плодами, разсѣяны были по всему саду. По единственной протоптанной дорожкѣ, не боясь заблудиться, пришелъ я къ шалашу, сдѣланному изъ камыша; подлѣ шалаша стояла полусгнившая скамейка.

Не бесѣдка ли это? подумалъ я, и, скрывшись въ густомъ кусту калины, разсматривалъ все, видимое мною.

Старикъ, въ такой же точно ливреѣ, какъ и швейцаръ, ходилъ между деревьями, осматривалъ висящія на деревьяхъ яблоки, поднималъ упавшія и сносилъ въ шалашъ, зарубливая каждое на длинной хворостинѣ.

Не видя при немъ никого больше, только лишь я хотѣлъ вытти изъ своего убѣжища и разговориться съ старикомъ, какъ услышалъ голосъ между деревьями: «Филька!.. Мальчикъ!.. Филька!..» И тутъ же показался *старичишка сухой*, блѣдный, въ весьма

темной крышѣ, не вездѣ надежно защищавшей его старость, торчали два бельведера, одинъ противъ другого, оба уже пошатнувшіеся, лишенные когда-то покрывавшей ихъ краски. Стѣны дома ощеливали мѣстами нагую штукатурную рѣшетку и, какъ видно, много потерпѣли отъ всякихъ непогодъ, дождей, вихрей и осеннихъ перемѣнъ. *Изъ оконъ только два были открыты, прочія были заставлены ставнями или даже забиты досками* (109; 1095).

См. классическое описаніе сада у Гоголя: «Старый, обширный, тянувшійся позади дома садъ, выходившій за село и потомъ пропадавшій въ полѣ, *заросшій и заглохлый*» и т. д. (109 — 110, 1095—1096).

«Лицо его» «было почти такое же, какъ у многихъ *худощавыхъ стариковъ*» (113; 1098).

длинномъ, широкомъ и изношенномъ сертукѣ, при двухъ-трехъ пуговицахъ; *на головѣ колпакъ*, къ коему прицѣпленъ кожаный козырекъ. Старикъ останавливается предъ каждою яблонью, палкою пересчитываетъ яблоки на ней и, вынимая изъ кармана тетрадку, повѣряетъ, продолжая звать: «Мальчикъ! Филька! Бѣги сюда скорѣе!»

«Платье на» Плюшкинѣ «было совершенно неопредѣленное, похожее очень на женскій капотъ; *на головѣ колпакъ*, какой носятъ деревенскія дворовыя бабы» (111; 1096).

Другой старикъ, онъ же и мальчикъ, онъ же и Филька, оставя свою работу, едва передвигая ноги, отвѣтилъ: — Сейчасъ, сударь, бѣгу. — И въ силу притащился къ нему.

«Кто здѣсь былъ въ саду? А?» спросилъ онъ рѣзкимъ голосомъ,

— Молодой баринъ, сударь — отвѣчалъ семидесятилѣтній мальчикъ.

«Ка—а—акъ?.. Молодой баринъ? Такъ у тебя уже два барина?.. А я уже, видно, старый, негодный баринъ?.. Что ты меня рядишь въ старики? Видно, желаешь, чтобы я скорѣе умеръ, что ли?»

— Помилуйте, сударь; я этого никому не говорю, а такъ называю *для* различія.—

«А какъ ты смѣешь дѣлать противъ меня различіе? Я, я одинъ баринъ вамъ былъ, есть и буду; а онъ только сынъ мой, не больше; мальчикъ, какъ и ты здѣсь, при садѣ.»

— Для насъ все же онъ баринъ-таки. Вотъ и при покойномъ дѣдушкѣ вашемъ, я тогда былъ буфетчикомъ, покойнаго батюшку вашего мы всегда называли молодымъ бариномъ...

«Ты тогда былъ еще глупый мальчишка! Ну, теперь скажи мнѣ: гдѣ вонъ тамъ съ яблони, что подъ № 40, гдѣ два яблока? да вотъ съ № 5 три? Куда дѣвались? Говори, признайся! Скушалъ, или продалъ кому, и за сколько?»

— Я этого, сударь, не смѣю дѣлать. Вотъ мой счетъ, — и вынесъ изъ шалаша длинную хворостину съ отмѣтками и яблоки

«Лежала на столѣ четвертка чистой бумаги,» сказалъ онъ: «да не знаю, куда запропастилась: люди у меня такіе негодные! —Тутъ сталъ онъ заглядывать и подъ столъ, и на столъ, шарилъ вездѣ и,

въ рукѣ и, показывая барину, объяснялся: — Вотъ, сударь: на первой было 53 яблока, два упало, осталось пятьдесятъ одно. —

Баринъ, повѣривъ съ своею запискою, сказалъ: «Такъ, такъ; это они.» И, тутъ же, разрѣзавъ яблоки пополамъ, отдалъ ихъ Филькѣ, говоря: «Вотъ такъ лучше, чтобы не подмѣнилъ. Возьми и снижи на нитку, и вывѣсь на солнце, чтобы привяли. Цѣлы ли у тебя прежде вяленныя? У меня всѣмъ имъ счетъ ведется.»

— Всѣ до единаго цѣлы; берегу, какъ глаза, чтобы и за нихъ не отвѣчать, сказалъ Филька съ нѣкоторымъ торжествомъ, зная свою аккуратность.

Баринъ записалъ въ свою тетрадку, приговаривая: «Снизано еще два яблока, тоесть четыре половинки. Ну, теперь съ 5-го № гдѣ три яблока?»

— Вотъ, сударь, два упавшія. —

«Два; а третье гдѣ?»

— Виноватъ, сударь, не досмотрѣлъ. Али оно еще гнилѣе этихъ было, такъ и упавши и разсыпалось. —

Тутъ баринъ запылалъ гнѣвомъ: «Какъ? пропало? Что, ты разорить меня хочешь? Для чего же ты не досмотрѣлъ?.. То было лучшее, такъ ты его продалъ? О, разбойникъ, душегубецъ! Вѣрно, имѣешь злой умыселъ противъ меня? Сначала яблоко продашь; понравится имѣть свои деньжонки, такъ пустишься и далѣе, да и всего меня обокрадешь.»

— Помилуйте, сударь! Въ мои ли лѣта за дрянное яблоко душу свою продать? Я служилъ еще и дѣдушкѣ и батюшкѣ вашимъ, да вотъ и вамъ сколько лѣтъ служу; и хотя у васъ до сихъ поръ все мальчикъ, но мнѣ уже подъ семьдесятъ лѣтъ. Подумаю ли я...—

«Да, смотри вамъ въ зубы!.. Но это зло надобно предупредить и тебя проучить. Слушай! Не ходи сегодня въ застольную. Безъ обѣда тебѣ!»

наконецъ, закричалъ: «Мавра, а, Мавра!» На зовъ явилась женщина съ тарелкой въ рукахъ, на которой лежалъ сухарь, уже знакомый читателю. И между ними произошелъ такой разговоръ:

«Куда ты дѣла, разбойница, бумагу?»

«Ей Богу, баринъ, не видывала, опричь небольшого лоскутка, которымъ изволили прикрыть рюмку.»

«А вотъ я по глазамъ вижу, что подтибрила.»

«Да на что жъ бы я подтибрила? Вѣдь мнѣ проку съ ней никакого: я грамотѣ не знаю.»

«Врешь, ты снесла понамаренку: онъ маракуетъ, такъ ты ему и снесла.»

«Да пономаренокъ, если захочетъ, такъ достанетъ себѣ бумаги. Не видалъ онъ вашего лоскутка!»

«Вотъ, погоди-ка: на страшномъ судѣ черти припекутъ тебя за это желѣзными рогатками! Вотъ посмотришь, какъ припекутъ!»

«Да за что же припекутъ, коли я не брала и въ руки четвертки?

— Помилуйте, сударь! Я и вчера со всею дворнею цѣлый день были на одномъ хлѣбѣ и водѣ...—

«Такъ что жъ? Все же не сидѣли голодомъ. Хлѣбъ и вода! А развѣ бездѣлица? Иной въ иной день и того не имѣетъ. Вчера былъ такой день; по моимъ запискамъ означено, что вчерашняго дня скончалась моя двоюродная бабушка. Такъ въ такой горькій для меня день и для памяти ея неужели вамъ позволить бражничать?»

— По крайней мѣрѣ, сегодня позволили бы намъ чѣмъ-нибудь подкрѣпиться...—

«Какъ не такъ! Подкрѣпиться! А за что? Сегодня вы всѣ безъ обѣда. Ключникъ заумничалъ и, вмѣсто назначенной чечевицы, выдалъ гороху. Чечевицы онъ не далъ, а гороху я не даю: не умничай. Кучеръ не далъ водовозу лошади—затѣмъ, что больна, а водовозъ вздумалъ на себѣ носить воду: не умничай оба—оба безъ обѣда. Варюшина Матрешка, отъ вѣтрености, вздумала разводить щепками огонь для утюга—безъ обѣда. Неужели же для тебя и Ваньки тратить дрова, провизію и жечь горшки, къ моему разоренію? Да ты же вотъ и провинился, а Ванька, вѣрно, провинится».

Тутъ подошла къ нему *дѣвушка* лѣтъ 17-ти, довольно *миловидная*, но худая и блѣдная, конечно, отъ такой же діеты, какъ и дворовые люди. Одѣта же она была въ платье, сшитое изъ оконныхъ гардинъ, что-то клѣтчатое, разноцвѣтное, полинялое.

«Ахъ, батюшка!» сказала она, поцѣловавъ почтительно руку у отца: «неужели человѣкъ не долженъ обѣдать за то, что яблоко сгнило на деревѣ?»

— Какъ бы только сгнило, отвѣчалъ онъ: но оно упало и пропало до того, что его и не сыщешь. Да это его плутни! онъ его продалъ или съѣлъ. Всѣ меня разоряютъ! Вчера самъ видѣлъ зажженную цѣлую

Ужъ скорѣе другой какой бабьей слабостью, а воровствомъ меня еще никто не попрекалъ.»

«А вотъ черти-то тебя и припекутъ! Скажутъ: «А вотъ тебѣ, мошенница, за то, что барина-то обманывала!» да горячими-то тебя и припекутъ!»

«А я скажу: «Не за что! ей Богу, не за что: не брала я...» Да вонъ она лежитъ на столѣ. Всегда понапраслиной попрекаете!» (124—5; 1108—1109).

...«двѣ миловидныхъ дочки» (115; 1110).

сальную свѣчу, когда у меня собрано пуда два огарковъ. И кто зажегъ? Виноватаго не нашелъ. Сегодня твоя Матрешка вздумала разводить огонь... Вездѣ убытки, вездѣ разореніе!...—

«Батюшка! сказала дочь умоляющимъ голосомъ: это мнѣ нужно было разгладить вотъ это платье».

— А на что его гладить? Оно очень хорошо и безъ глаженья. Отъ частаго глаженья изотрется платье, угараетъ желѣзо на утюгѣ, переводъ щепкамъ, перегаръ печкѣ.—

Дѣвушка, увидѣвши подходящаго молодого человѣка, начала напѣвать тоненькимъ голоскомъ пѣсенку и стала удаляться отъ отца.

Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ 20-ти, въ сержантскомъ изношенномъ мундирѣ. Подойдя къ отцу, онъ почтительно поцѣловалъ руку его.

«Митя! сказалъ отецъ: зачѣмъ ты таскаешься по саду? Зачѣмъ ты приходилъ сюда?»

— Я приходилъ, батюшка, такъ отвѣчалъ Митя, доложить Вамъ, что мой ротный командиръ присылалъ ко мнѣ, чтобы я непремѣнно завтра явился въ роту. Намъ перемѣнены квартиры, и мы, вмѣсто 15-ти, будемъ стоять отъ васъ верстъ за сорокъ.—

«Такъ что же, Митя? Поѣзжай, поспѣши. Нашъ обѣдъ еще не скоро, а 15 верстъ нелегко переѣхать. Военная служба требуетъ аккуратности и строго взыскиваетъ за неисправность. Поспѣши, дружочекъ! повторялъ отецъ съ змѣиною ласкою въ глазахъ. Приказалъ ли заложить лошадь?»

— Но вы знаете, батюшка, что я отпущенъ къ вамъ для обмундировки и безъ того не могу явиться. —

«Что жъ, мой милый! Вѣдь я не портной, чтобы тебя обшивать. Въ ротѣ сошьютъ тебѣ все и не испортятъ; а если что и не такъ, то съ нихъ можно удобнѣе взыскать».

«Поди-ко принеси огоньку запечатать письмо. Да стой! ты схватишь сальную свѣчу; сало — дѣло топкое: сгоритъ да и нѣтъ, только убытокъ; а ты принеси-ко мнѣ лучинку!» (125; 1109).

«Сынъ... опредѣлился... въ полкъ и написалъ къ отцу, уже по своемъ опредѣленіи, прося денегъ на обмундировку; весьма естественно, что онъ

— Было бы изъ чего шить! Мнѣ нужны деньги, о коихъ я васъ просилъ. Пожалуйте мнѣ ихъ; и я сей же часъ полечу въ полкъ.

«Сколько тебѣ ихъ надобно? спрашивалъ отецъ, улыбаясь. Я сказалъ тебѣ, чтобы ты разсчиталъ».

— Я и прежде говорилъ, что мнѣ на самое необходимое, безъ чего новому прапорщику явиться въ полкъ нельзя, нужно, по крайней мѣрѣ, тысячу рублей. —

«Ты... ся... чу ру... блей! вскричалъ старикъ, задыхаясь отъ горести и изумленія. Что ты, Митя? И выговорить вдругъ этакой пропасти денегъ невозможно, не то, чтобъ издержать!... Вѣдь въ тысячѣ рубляхъ однихъ рублей тысяча ровно!... Ты... ся... ча! Начни-ка считать: одинъ, два, три, четыре... Куда! сколько времени надобно пересчитать этакую сумму!... Волосы дыбомъ становятся, выговаривая этотъ страшный счетъ».

— Кто же мнѣ поможетъ, какъ не вы, батюшка? —

«И то правда! Правда твоя, другъ мой, дитя сердца моего! Я обязанъ помочь тебѣ, это долгъ мой, и для того... дамъ тебѣ...»

Митя ожидаетъ съ радостнымъ нетерпѣніемъ конца фразы.

«Дамъ тебѣ, продолжаетъ отецъ съ убійственнымъ хладнокровіемъ, — дамъ тебѣ... полезный совѣтъ. Во-первыхъ, обдумаемъ: не можно ли, въ крайности, обдѣлать этотъ же мундиръ на офицерскій? Знаешь: выворотить его, вычистить, выстопать...»

— Что это вы, батюшка! почти вскричалъ Митя, забывшись отъ ошибки въ своемъ ожиданіи. И сукно не офицерское, и я уже изъ него выросъ. Теперь требуется, чтобы мундиръ сидѣлъ покойно. —

«Вотъ то-то и есть, что вы, военные, за франтовствомъ не видите пользъ своихъ! Какъ бы употребляли солдатское сукно, такъ и въ сраженіяхъ вы не были бы такъ

получилъ на это то, что называется въ простонародіи шишъ» (116; 1101).

замѣтны, и васъ бы не убивали! Притомъ же военный человѣкъ обрекаетъ себя на всякую *тѣсноту**) и безпокойство, такъ бы и мундиры дѣлать поуже, покороче и потѣснѣе. Ну, ужъ когда нечего дѣлать, такъ я тебѣ... изволь! подарю... еще покойнаго твоего дѣда... плащъ, зеленаго цвѣта и прешрокій. Вотъ у тебя, мой милый, выйдетъ изъ него двѣ мундирныя пары: одна парадная, а другая ежедневная; лишнее же сукно можно продать да на прикладъ употребить».

— Этотъ плащъ, весь съѣденный молью? Да онъ и подъ цвѣтъ не подходитъ! —

«Ну, что моль съѣла, то можно на фуражку употребить или пуговицы обтянуть; въ хозяйствѣ все пригодится. А что не подходитъ подъ цвѣтъ, такъ «не всяко лыко въ строку»! За то будешь, мой милый, между всѣми офицерами отличный...»

— Сохрани меня Богъ отъ такого отличія! Но, батюшка, возвращаюсь къ прежней матеріи. Сдѣлайте мнѣ милость, поддержите меня теперь, при моемъ производствѣ. Я у васъ уже очень нескоро буду просить денегъ. Дайте мнѣ способъ явиться въ полкъ обмундированнымъ: я начну службу въ новомъ званіи, пріобрѣту вниманіе начальства. Безъ вашей же помощи я близокъ потерять все то, что успѣлъ пріобрѣсти въ теченіе полутора года сержантской службы моей! —

«То-то, мой миленькій! Надобно правду говорить, ты не умѣлъ меня слушать. Помнишь ли, какъ я не совѣтовалъ тебѣ итти въ военную службу? Я тебѣ все представлялъ: и недостатки мои, и требованія начальства, и отвѣтственность, и взысканія. Теперь ходилъ бы, какъ и еще мальчишкою былъ, въ фризовой шинели, или, какъ и я, донашивалъ бы твоего дѣдушки, а моего отца сюртуки; и на твой вѣкъ стало бы ихъ,

*) Курсивъ автора.

потому что покойникъ, не знаю для чего, запасся ими. Мертвый капиталъ! То-то молодость, не умѣете прежде обдумать! Но я, какъ нѣжный, сердобольный отецъ, дарю тебѣ... полный, широкій суконный плащъ».

— Кромѣ мундира, мнѣ нужно еще много кое-чего другого. —

«Эхъ, неопытность! на все нужна сноровка. Вотъ, изъ товарищей иной заболѣетъ, иной подъ арестъ попадетъ, иной въ отпускъ уѣдетъ — ты и выпроси поносить: у кого каску, шпагу, шарфъ и что нужно. А какъ станешь получать жалованье, такъ и самъ все купишь у выходящихъ въ отставку: хоть и поношенное, да дешевое».

— Ахъ, батюшка! оставимъ такъ разсуждать—сказалъ сынъ, вздохнувши.

«Оставимъ, оставимъ, дружочекъ! перервалъ отецъ, ухватясь за это слово; тебѣ вѣдь некогда, тебѣ должно спѣшить въ роту. При другомъ свиданіи поговоримъ объ этомъ. Обѣдъ нашъ еще нескоро. Прощай! Засвидѣтельствуй мое душевное почтеніе капитану своему и благодари за производство...»

— Но безъ денегъ нельзя мнѣ явиться... Не долженъ ли вамъ кто на близкій срокъ? Предоставьте мнѣ получить. —

«Да; этакъ можно... У меня есть вексель на триста рублей, а съ процентами наберется требуемая сумма, потому что уже болѣе двадцати лѣтъ, какъ онъ просроченъ».

— И вы до сихъ поръ не представляли ко взысканію? —

«*Изъ сострадания,* мой другъ!... боялся нанести себѣ новые убытки за бумагу и на подарки. Должникъ мой отговаривался, что, якобы, уплатилъ весь долгъ и, якобы, имѣетъ мою расписку въ томъ; но я могу присягнуть, что расписка подписана не мною. Должникъ, между тѣмъ, умеръ, имѣнія не осталось — такъ я *изъ человѣколюбія* отло-

«... почтенный добрый старикъ терпитъ *по причинѣ* собственнаго *добродушія*».

«А, ей Богу, такъ! Ей Богу, правда!» сказалъ Плюшкинъ, свѣсивъ голову внизъ и

жилъ дѣло пока. Изволь, возьми этотъ вексель и получай деньги. Вотъ, поздравляю тебя и обмундированнымъ. Теперь прощай!»

— На это, батющка, я не могу согласиться. Не можете ли вы мнѣ сдѣлать милости, позволивъ занять? —

«Занять?!—сказалъ отецъ съ ужасомъ... потомъ впалъ въ размышленіе и вдругъ вскричалъ весело: Занять?... Скажи мнѣ положительно: сколько тебѣ нужно на отличную обмундировку и чтобъ во всемъ окопироваться? Разсчитывай, чтобы на все, на все достало; я для тебя ничего не пожалѣю».

— Порядочная обмундировка и снабженіе всѣмъ необходимымъ, потому что я рѣшительно ничего не имѣю, требуетъ тысячи полторы. —

«Смотри, чтобы ни въ чемъ не было недостатка... Ты меня не разоришь».

Съ оживленною надеждою, сынъ въ полной радости сказалъ: — Ужъ ежели такъ велика милость ваша будетъ, такъ пожалуйте двѣ тысячи. —

«Хорошо, мой дружочекъ; я согласенъ. Займи же четыре тысячи».

— На ваше имя, батюшка? —

«Нѣтъ, на свое. Занятыми деньгами мы раздѣлимся пополамъ. Ты обмундируешься, а я, взявъ свое, припечатаю въ газетахъ — разумѣется, на твой счетъ — что ты у меня сынъ не отдѣленный и я не беру на себя твоихъ долговъ, а потому твой долгъ — не долгъ».

— Да это безчестно! — вскричалъ сынъ, покраснѣвъ отъ негодованія.

«Такъ прибыльно. Одно другого лучше», отвѣчалъ отецъ хладнокровно.

— Какъ можно итти противъ законовъ чести? Послѣ этого человѣкъ не достоинъ жить на свѣтѣ! —

«Въ книгахъ такъ наврано, и ты ихъ начитался. Ой мнѣ эти писатели! — Разбери сокрушительно покачавъ ею: «все *отъ добродушія*» (126; 1110).

же ихъ! вотъ и пишутъ, что честь дороже злата и серебра и всякаго сокровища; что деньги прахъ, что богатство не заслуживаетъ вниманія; да написавъ такую книгу, и продаютъ ее въ тридорога противъ того, что бумага стоитъ, и хлопочутъ о пріобрѣтеніи тѣхъ денегъ, кои учатъ презирать. Пишутъ о несуществующемъ, чтобы получить существенное. Такъ вотъ твоя и честь! Найди мнѣ такого, кто бы, презрѣвъ деньги, а погнался за одной честью! Такихъ дураковъ нѣтъ и не бывало; развѣ только въ книгахъ намарано».

— Честь у меня въ сердцѣ; я ее не изъ книгъ знаю. —

«Въ сердцѣ? Чтобы честь была въ сердцѣ и сохранялась тамъ, надобно поддерживать его существованіе, а для этого надобно человѣку ѣсть и пить; а этого, братъ, безъ денегъ не сдѣлаешь. Итакъ, не главная ли наша забота, чтобы пріобрѣсть деньги и для этого употреблять все. Обзаведясь деньгами, можно и на честь разжиться: товаръ не дорогъ».

— Мы различно понимаемъ. Честь для меня дороже жизни. Благородный человѣкъ жертвуетъ жизнію, чтобы... —

«Такъ точно. Жертвуетъ жизнію, чтобы выслужить честь; это значитъ: чины, мѣсто, при коемъ было бы побольше жалованья. Такъ видишь ли, Дмитрій: всѣ мы, открыто, закрыто, явно, тайно, а все бьемся изъ того, чтобы добиться до большихъ денегъ. И въ старые вѣки такъ бывало, въ нынѣшнемъ есть и въ наступаюшемъ будетъ и будетъ отнынѣ и до вѣка. А кончу на томъ, что денегъ не дамъ; займи, какъ я сказалъ».

Долго бы слушалъ я этотъ разговоръ, но увидѣлъ, что по дорожкѣ отъ дому спѣшитъ видѣнный мною на крыльцѣ старикъ. Опасаясь, чтобы этотъ чудный старикъ,

узнавъ отъ приходящаго слуги о моемъ приходѣ въ садъ и открывъ меня въ кустахъ, не взялъ бы какого подозрѣнія насчетъ моей честности, я рѣшился выйти на сцену и, хотя изъ слышаннаго уже не надѣялся получить здѣсь мѣста, но, по крайней мѣрѣ, могъ бы благовидно выйти отсюда.

Итакъ, когда старикъ, продолжая все одинъ разговоръ съ сыномъ, немного отошелъ и оборотился въ сторону, я тихонько вышелъ и пошелъ прямо къ старику.

Онъ чрезвычайно изумился, увидѣвъ незнакомаго человѣка, и, подступая ко мнѣ навстрѣчу, спросилъ: «А кто вы, и что вамъ здѣсь надобно?»

Я объяснилъ ему, по обычаю, кто я лично, и прибавилъ, что, будучи въ бѣдности, желаю честнымъ трудомъ содержать себя и желаю вступить въ должность управляющаго имѣніемъ.

«Управляющаго?» воскликнулъ онъ, осматривая меня всего.

«Мнѣ не нужно управляющаго, я самъ у себя управляющій. А сколько...»

Онъ не кончилъ вопроса, какъ вошедшій слуга наконецъ дохромалъ къ намъ, и баринъ спросилъ его торопливо: «Что ты, Ванька? не случилось ли чего?»

Шестидесятилѣтній Ванька, у коего одна нога была въ сапогѣ, а другая въ женскомъ башмакѣ, отвѣчалъ запыхавшись: «Пожалуйте, сударь, домой. Сестрица ваша, Марѳа Кондратьевна, изволила пріѣхать».

«Тетушка!» вскричалъ молодой человѣкъ и, какъ стрѣла, пустился къ дому. «Сестра?» вскричалъ и старикъ, но совсѣмъ съ противоположнымъ чувствомъ. «Экъ откуда притащилась!... Куда она ѣдетъ?»

— Не могу знать, сударь! отвѣчалъ слуга: изволитъ говорить, что пріѣхала навѣстить васъ. Семь лѣтъ, дескать, не видалася. —

Очевидно, скупецъ Квитки, какъ и Плюшкинъ, вдовъ (съ нимъ живутъ лишь сынъ и дочь, и никакихъ упоминаній о хозяйкѣ дома мы не встрѣчаемъ); это обстоятельство сближаетъ обоихъ съ другими литературными скупцами.

«Ненужно ея навѣщеніе. То-то баба! За семьсотъ верстъ пріѣхала затѣмъ только, чтобы повидаться. Одна?»

— Четверо дѣточекъ съ нею пожаловали, отвѣчалъ слуга. —

«Четверо?... четверо!...» повторялъ старикъ, болѣе и болѣе приходящій въ досаду. Это хоть кого ошеломитъ. Имѣнія всего сто душонокъ, а четверо дѣтей. Къ чему это? Да еще и разъѣзжаетъ. То-то бабій умъ! Зачѣмъ сказалъ, что я дома? Она бы *не кормя* уѣхала далѣе».

— Барышня изволили выбѣжать, встрѣтили ихъ и послали за вами. —

«Барышня? развѣ она не знаетъ, что *мнѣ гости въ тягость?*»

— Ужъ это, сударь, какая гостья; это сестрица ваша. Пожалуйте же къ нимъ скорѣе; онѣ очень хотятъ васъ видѣть. —

«Больше ждала, тащась сюда семьсотъ верстъ. Скажи, что я пріѣхалъ съ поля и отдыхаю въ бесѣдкѣ».

Влѣзши въ шалашъ, онъ разлегся тамъ на войлокѣ и, обратясь ко мнѣ, спросилъ: «А изъ котораго вы намѣстничества?» и, не дождавшись моего отвѣта, обратился къ Ванькѣ: «Вотъ, скажи, что ко мнѣ пожаловалъ человѣкъ за весьма важнымъ дѣломъ... Чего ты дожидаешь?»

— Хочу просить у васъ, отвѣчалъ слуга. Тамъ, въ кладовой, есть пара сапогъ, довольно приношенныхъ. Позвольте ихъ вынуть. Совѣстно при гостяхъ быть въ такой странной обуви. —

«Эхъ, Ванюшка! ты же самъ сказалъ, что это не гостья, а своя. Она извинитъ; между своими что за счеты?»

— Да мнѣ самому-то совѣстно, сударь! Барыня изволитъ помнить, какъ я еще при покойномъ батюшкѣ вашемъ былъ дворецкимъ, хаживалъ въ кафтанахъ, подъ пудрою и съ семилоровыми часами. —

«Я давненько не вижу гостей», сказалъ онъ: «да, признаться сказать, въ нихъ мало вижу проку. Завели пренеприличный обычай ѣздить другъ къ другу, а въ хозяйствѣ—то упущенія... да и лошадей ихъ корми сѣномъ!» (119—1103).

Ср. эпизодъ съ Прошкой, изъ котораго мы узнаемъ, что «у Плюшкина для всей дворни, сколько ни было ея въ домѣ, были одни только сапоги», и т. д. (121—1106).

«Ну что, Ванюшка, и она такъ же, чай, постарѣла, какъ и мы? Когда тебѣ зазорно, такъ надѣнь и другой сапогъ...»

— Да нѣту-те, сударь! развалился совсѣмъ, принужденъ взять женинъ башмакъ. —

«Ну вотъ же нашелъ одинъ, то у ней, вѣрно, есть и другой. Такъ и точно лучше остаться въ башмакахъ. Теперь же лѣто... Ты что, Ермилка?» спросилъ онъ у прибѣжавшаго мальчишки-замарашки.

— Пожалуйте, сударь, въ кладовую. —

«Зачѣмъ?» спросилъ баринъ, лежа спокойно.

— Повару нужно крупъ и соли. —

«А начто?»

— Кушаньевъ мало будетъ, такъ онъ хочетъ кашу прибавить. —

«А зачѣмъ?»

— Сестрица ваша пожаловала и изволитъ кушать. —

«Пожаловала да и отжалуетъ и кушать здѣсь не изволитъ.»

— Лошадей отложили — сказалъ мальчикъ утвердительно.

«Ого! распоряжаютъ, какъ дома», сказалъ радующійся братъ и поспѣшилъ вытти изъ своей бесѣдки. «Поспѣшить же къ нимъ да распорядиться. Ванька! скажи-ка пріѣзжимъ молодцамъ, чтобы заложили опять карету.» Потомъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «Пойдемъ за мною».

Мы пошли, и онъ дорогою съ самымъ веселымъ лицомъ разсказывалъ мнѣ, что онъ самъ у себя управляющій; назначилъ себѣ въ годъ триста рублей и тѣмъ только живетъ, а господскій доходъ отдаетъ въ проценты. Когда принесетъ доходу больше обыкновеннаго, дѣлаетъ себѣ подарки: новые сапоги, жилетъ, платокъ; а когда что упуститъ, то вычитаетъ изъ жалованья; за мелкія вины оставляетъ себя безъ обѣда, скидываетъ сапоги, велитъ себѣ ходить босикомъ...

Когда я слушалъ такіе разсказы, то мнѣ казалось, что я во снѣ вижу такого чудака и все это слышу. Признаюсь, я ужаснулся, если долженъ буду остаться у него, и давно бы ушелъ, но пріѣхавшая сестра поселяла во мнѣ надежду, что, по крайней мѣрѣ, хотя и домашній столъ, но успокоитъ крѣпкій мой позывъ на ѣду.

Не успѣли мы войти въ комнаты, какъ сестра бросилась къ брату съ распростертыми объятіями.

«Ахъ, братецъ... братецъ!... здравствуй, мой милый!... Какъ я рада, что наконецъ съ тобою увидѣлась.»

— Здравствуй, сестра! холодно сказалъ онъ, сухо принимая поцѣлуи ея. Откуда и куда тебя Богъ несетъ? —

«Прямо изъ дому къ тебѣ. Соскучилась, семь лѣтъ не видавши васъ, мои милые!»

— Не будетъ семи лѣтъ; безъ трехъ мѣсяцевъ. —

«Мнѣ казалось, что уже болѣе десяти лѣтъ прошло.»

Тутъ братъ засмѣялся тихимъ смѣхомъ и промолвилъ: — Вотъ, какъ ты хорошо знаешь счетъ! —

Сестра сдѣлала видъ, что не замѣчаетъ явной сухости въ пріемѣ брата, и хотѣла возбудить въ немъ нѣжность хоть къ дѣтямъ своимъ; кликала ихъ, но, не видя ихъ, сказала: «Ахъ, это Варенька увела ихъ въ садъ къ тебѣ. Они нетерпѣливо хотѣли видѣть дяденьку.»

— Въ дѣтяхъ надобно истреблять нетерпѣніе, — сказалъ холодный, какъ лягушка, братъ и вдругъ съ безпокойствомъ прибавилъ: — Пошли въ садъ? Теперь бросятся на фрукты и безъ меня все обнесутъ.—

«Не безпокойся, братецъ. Они у меня смирные.»

— По какимъ же дѣламъ ты пустилась въ такой длинный путь? — спросилъ лю-

безный братецъ, садясь на стулъ,*) съ котораго чуть было не упалъ, потому что онъ былъ безъ четвертой ножки и только подпертъ палочкой.*)

«Благодарю Бога, дѣлъ никакихъ,» отвѣчала сестра, «а только хотѣла повидаться съ вами. Ты ко мнѣ не ѣдешь, дѣтей не присылаешь, писемъ не пишешь. Такъ я рѣшилась сама провѣдать васъ.»

— Провѣдать? Охотница же ты, сестра, сорить деньгами! —

«Я не считаю издержекъ, когда дѣлаю свой долгъ и доставляю себѣ удовольствіе.»

Тутъ вбѣжалъ Ермилка и вполголоса сказалъ барину: «Пожалуйте, сударь, въ кладовую.»

— А зачѣмъ? — спросилъ онъ безъ всякаго замѣшательства.

«Поваръ спрашиваетъ хрѣну.»

— А начто? —

«Приготовить къ солонинѣ.»

— Не надобно ни хрѣну ни солонины. Пошелъ. — И съ этимъ словомъ толкнулъ мальчика въ затылокъ.

«Отчего ты, братецъ, никогда не отвѣчалъ на мои письма?» спросила сестра, снимая съ себя шляпку, платокъ и другія дорожнія вещи и укладывая все къ сторонѣ, располагаясь оставаться надолго.

— Благодарю покорно! Писать письма? Почта такъ дорога, что при одной мысли объ издержкахъ перо выпадаетъ изъ рукъ. А ѣхать мнѣ? оставить хозяйство безъ присмотра? дѣлать издержки для пустого свиданія... —

«Для пустого свиданія?» даже вскрикнула сестра. «Но, братецъ, насъ всего только двое.»

— За что ежедневно благодарю Бога! А если бы матушка наша не скончалась, родивъ тебя, то вѣрно бы нарожала намъ братцевъ и сестрицъ. Тогда дѣлись съ ни-

*) Въ данномъ случаѣ вліяніе Квитки на Гоголя не могло имѣть мѣста, т. к. предложеніе, заключенное между звѣздочками, мы находимъ лишь въ изданіи 1841 года, вышедшемъ въ свѣтъ одновременно съ I томомъ «Мертвыхъ душъ.» Другихъ (мелкихъ и маловажныхъ) отступленій отъ редакціи, напечатанной въ «Новогодникѣ,» я не отмѣчаю.

ми!... уфъ!... И твое счастье, что батюшка при жизни своей тебя отдѣлилъ; а отъ меня бы ты не получила ничего. —

«Всегда была увѣрена въ такой твоей любви...»

— Не по любви, сестра, а по закону. Я бы придрался къ тому, что сестра при братѣ не наслѣдница, да и завелъ бы процессъ. —

«Я, братецъ, законовъ не знаю и не затѣмъ пріѣхала, чтобы ссориться съ тобою.»

— Да и я не спорю, а такъ только говорю. Однако жъ предваряю тебя: не переводи никому имѣнія и въ долги не входи; вѣдь по тебѣ я наслѣдникъ. —

«Помилуй, братецъ! Кромѣ того, что я жива, у меня есть мужъ и четверо дѣтей...»

— Всѣ мы, душенька-сестрица, подъ Богомъ! Вдругъ случится на дѣтей корь, оспа и тому подобное. Охъ, долго ли до бѣды! Тебѣ тоже можетъ приключиться горячка, чахотка... мало ли бѣдъ на свѣтѣ! —

«Ахъ, братецъ, братецъ! За что же ты, еще не видавъ дѣтей моихъ и прежде, нежели благословилъ, принимаешься морить ихъ и меня съ ними? Я же моложе тебя десятью годами, такъ по порядку...»

— Охъ, любезнѣйшая сестрица! смерть не смотритъ на лѣта и не наблюдаетъ порядка! Я же, какъ отецъ своимъ дѣтямъ и самъ еще не въ престарѣлыхъ лѣтахъ, долженъ заботиться о своемъ благосостояніи... —

«Кто бы повѣрилъ, — вздохнувъ сказала сестра, не внимая брату, — что это разговариваетъ братъ съ сестрою, семь лѣтъ не видавшись!»

Потомъ, желая перемѣнить разговоръ, обратилась къ нему съ ласкою: «Лучше прикажи напоить меня, съ дороги, хорошенькимъ чайкомъ...»

— Уже двѣнадцатой часъ. Какой теперь чай? —

«Переѣхавъ сегодня 75 верстъ, я охотно выпила бы чашку, другую!...

— Еще и другую! Ты, вѣрно, не читала новыхъ разсужденій? Недавно открыто, что чай очень, очень вреденъ, и потому запрещаютъ его употреблять. Я этого зла и въ домѣ не держу. —

«Такъ закусить вели подать чего-нибудь.»

— Завтракъ портитъ обѣдъ. —

«А скоро вы будете обѣдать?»

— Врядъ ли. Мы... вчера такъ плотно поужинали, что сегодня не думаемъ ни о какомъ обѣдѣ. —

«Такъ хоть для насъ прикажи изготовить скорѣе чего-нибудь. Я голодна, а дѣти— какъ дѣти, и того еще больше. Да гдѣ это они? позовите ихъ къ дяденькѣ.»

— Нѣтъ, нѣтъ! пусть гуляютъ себѣ безъ принужденія. А если ты, душечка-сестрица, голодна и дѣти твои также, такъ поспѣши къ сосѣдямъ нашимъ, Пеньковымъ, только десять верстъ отсюда. Они же знали тебя прежде и рады будутъ. У нихъ семейство большое, такъ и столъ, вѣрно, хорошъ. —

«Что ты мнѣ это говоришь? съ горестью воскликнула сестра. Я пріѣхала къ тебѣ, а ты меня отсылаешь къ другимъ. Неужели ты откажешь мнѣ въ пріемѣ на нѣсколько дней?»

— Еще и на нѣсколько дней! Да скажи ты мнѣ, пожалуйста, изъ чего я буду разоряться нѣсколько дней? Эти нѣсколько дней изведутъ меня на нѣсколько лѣтъ. —

«Побойся Бога, братецъ! Я отъ тебя ничего лишняго не требую: что вы будете кушать, и я тѣмъ буду довольна.»

Тутъ братъ, теряя всякое терпѣніе, вскочилъ и прикрикнулъ: «Мы ничего не будемъ кушать. А ты поспѣши къ сосѣдямъ, не опоздай. Вотъ, карета твоя подана.»

«Я, признаться, сказать, не охотникъ до чаю» и т. д. (127—1111).

— За что ты меня выгоняешь? сказала ему сестра, утирая слезы. Я за семьсотъ верстъ пріѣхала повидаться съ единственнымъ братомъ... —

«Глупо ты сдѣлала, отвѣчалъ братъ, все съ одинаковымъ хладнокровіемъ, что на этакой вздоръ потратила значительныя деньги. Ну, пріѣхала повидаться? Вотъ мы и повидались. Теперь прощай! Спѣши, спѣши, сестра, къ обѣду. А у меня, вотъ, человѣкъ ожидаетъ,» — и указалъ на меня... «нужное дѣло... лошади тебѣ поданы.»

— Я не знаю, куда теперь дѣваться...— сказала сестра, въ замѣшательствѣ надѣвая шляпку и платокъ.

«Къ сосѣдямъ, душечка-сестрица; къ сосѣдямъ спѣши. Обѣденный часъ уже. Прощай!»

— Но ты не видалъ еще дѣтей! —

Тутъ вбѣжали и дѣти: ея дѣвочки, одна лѣтъ 14-ти, а другая 12-ти, миленькія, миловидныя, какъ херувимчики; мальчики 8 и 7 лѣтъ, прелестные, какъ амурчики, живые, веселые; съ большой радостью бросились они къ старику, крича: «дядюшка, милый дядюшка!» и всѣ цѣловали руки и ужасный сюртукъ его.

Желѣзный старикъ не трогался ничѣмъ. Вырывалъ отъ нихъ руки.

— Вотъ же видѣлъ и дѣтей твоихъ, сказалъ онъ сестрѣ. — Теперь ступай съ Богомъ. Лошади ожидаютъ. —

Тутъ сестра, въ слезахъ, бросилась обнимать его...

«Такого ли пріема ожидала я отъ роднего брата! Когда ты перемѣнишься, тогда только я пріѣду къ тебѣ...»

— Ахъ, другъ мой, сестрица! — говорилъ безчувственный, провожая ее до кареты: я никогда не перемѣнюсь и всегда буду къ тебѣ таковъ, какимъ ты меня знаешь и видѣла теперь. —

Сестра шла къ каретѣ и плакала. Дѣти хозяина также плакали и цѣловали руки теткн. Ея же дѣти — дѣвочки, какъ старшія, не понимая ничего происходившаго, а только зная, что мать уѣзжаетъ противъ воли, смотрѣли на всѣхъ съ крайнимъ изумленіемъ и почти останавливались на каждомъ шагу. Дядюшка ихъ поталкивалъ, приговаривая: «Не зѣвайте, дѣти; идите, чтобъ мать васъ не оставила мнѣ.»

Мальчики же, надѣвъ свои картузики, съ радостью бѣжали къ каретѣ.

Старикъ проводилъ до кареты и при послѣднемъ прощаніи сказалъ: «Прощай! Велитъ Богъ, увидимся; а нѣтъ—Его воля! Я тебя отпоминаю.»

«Вотъ такъ-то лучше! говорилъ онъ, возвращаясь въ комнаты: «Отучить ихъ вначалѣ—такъ и впередъ будутъ знать, какъ за семьсотъ верстъ пріѣзжать.» Потомъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «Вы мнѣ, сударь, не нужны; извольте итти своею дорогою. Я вамъ сказалъ, что я самъ у себя управляю и денегъ кидать не охотникъ.»

— Я все видѣлъ и все знаю,—отвѣчалъ я, и уже самъ не желаю ни за какую цѣну быть у васъ управляющимъ; но какъ пришелъ издалека и итти мнѣ также не близко, то не можете ли вы одолжить меня, приказавъ дать пообѣдать? —

«Это изъ чего? Ни за что, ни про что корми васъ? Прощайте, сударь!» И съ симъ словомъ затворилъ предо мною дверь.

Сценѣ свиданія Жиломотова съ сестрой соотвѣтствуетъ слѣдующее мѣсто изъ «Мертвыхъ душъ»: «Александра Степановна какъ-то пріѣзжала раза два съ маленькимъ сынкомъ, пытаясь, нельзя ли чего-нибудь получить: видно, походная жизнь съ штабсъ - ротмистромъ не была такъ привлекательна, какою казалась до свадьбы. Плюшкинъ, однако же, ее простилъ и даже далъ маленькому внучку поиграть какую-то пуговицу, лежавшую на столѣ, но денегъ ничего не далъ. Въ другой разъ Александра Степановна пріѣхала съ двумя мальчиками и привезла ему куличъ къ чаю и новый халатъ, потому что у батюшки былъ такой

халатъ, на который глядѣть не только было совѣстно, но даже стыдно. Плюшкинъ приласкалъ обоихъ внуковъ и, посадивши ихъ къ себѣ одного на правое колѣно, а другого на лѣвое, покачалъ ихъ совершенно такимъ образомъ, какъ будто они ѣхали на лошадяхъ; калачъ и халатъ взялъ, но дочери рѣшительно ничего не далъ; съ тѣмъ и уѣхала Александра Степановна» (117—1102).

Н. Баженовъ.